

MT – Twain M. The Adventures of Tom Sawyer and the Adventures of Huckleberry Finn.-Moscow,1948.

ОГ1 – Гончар О. Прапорнощі.-К.,1995.

ОГ2 – Гончар О. Знаменосцы/Пер. с укр. Л.Шапира.-М.,1980.

ОГ3 – Гончар О. Берег любові.-К.,1976.

ОГ4 – Гончар О. Берег любви/Пер. с укр. М.Алексеева и И.Карабутенко.-М.,1978.

ОГ5 – Гончар О. Бригантина.-К.,1973.

ОГ6 – Гончар О. Бригантина/Пер. с укр. И.Новосельцевой.-М.,1978.

ЮМ1 – Мушкетик Ю. Біла тінь.-К.,1975.

ЮМ2 – Мушкетик Ю. Белая тень/Авториз. пер. с укр. И.Новосельцевой.-М.,1980.

1. Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку: Учение о частях речи.-М.,1952.

2. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология.-Братислава,1960.-Ч.2.

3. Потебня А.А. Об изменении значения и заменах существительного//А.А.Потебня Из записок по русской грамматике.-М.,1968.

Т.Ю.Ковалевская, Т.Ф.Шумарина

Антропонимическая актуализация в аспекте мнемической деятельности

Человеческая психика – сложнейшее системное свойство высокоорганизованной материи, в которой представлены и упорядочены события прошлого, настоящего и будущего. События прошлого выступают в данных опыта, представлениях памяти; настоящего – в совокупности образов, переживаний, умственных актов; возможного будущего – в побуждениях, намерениях, целях, а также в фантазиях, сновидениях.

У человека психика носит как осознанный, так и неосознанный характер. В любом из своих проявлений она реализуется в речи. Речевыми особенностями поведения личности занимается, в первую очередь, лингвистика. Однако многие факты неординарного речевого поведения в ее границах и ее методами изучить невозможно, что и обусловило актуальность поведенческой вербалики в психолингвистике. Интересным, но крайне мало изучавшимся явлением, на наш взгляд, оказывается забывание имени собственного, неточное или приблизительное его воспроизведение, обмолвки, описки и так далее. В этой связи может быть поставлен целый ряд вопросов, например: следствием чего оказываются данные явления, каковы формы их конкретного лингвистического

выражения: каковы причины как неосознанного, так и осознанного ушибного антропонимического поведения и т.д. А главное – почему вообще именно они, а не апеллятивы, столь уязвимы с точки зрения их нормального функционирования в речи. Ведь, пожалуй, немногие говорящие (если не учитывать патологические случаи) испытывают затруднение при наименовании помещения для жилья или размещения учреждений (дом), в то время как высказывания типа: «Как бишь его?», «Как, говоришь, фамилия?», «Если не ошибаюсь, Владимир Викторович?» и т.д. обладают достаточно высокой степенью регулярности.

Для того, чтобы ответить на некоторые из поставленных вопросов, рассмотрим случаи не адекватного нормам речевого антропонимического поведения. Факты подобного рода могут являться следствием как осознанной (А), так и неосознанной (Б) психической деятельности

(А) В интерпретации имени собственного мы исходим из того положения, что имена собственные являются символом предмета и характеризуются редукцией собственно языкового значения.

Как известно, «символ – это некое материальное образование, функция которого – представлять другой предмет» [7:205].

Таким образом, с одной стороны, это образование представляет некоторый предмет, а с другой стороны – существует независимо от предмета, будучи связанным с последним только условной связью. Существовая независимо от предмета, имя собственное может существовать и без предмета. То есть до тех пор, пока имя не соотнесено с референтом, оно не обладает значением и является фактически лишь формой, которая, при отсутствии конкретного содержания, не обладает какой-либо ценностью.

Скорее всего, причину забывания имени следует искать в символической природе данной единицы. Ведь долговременная память, как известно из психологии, удерживает именно смысловую сторону запоминаемого сообщения, а внешняя, поверхностная форма может теряться, что и приводит к забыванию имен.

Забывание имен имеет наряду с интралингвальными причинами (т.е. отсутствием языкового значения) целый ряд причин экстралингвального характера. Одна из них является следствием семантической редуцированности антропонимических единиц и заключается во взаимосвязи семантического и темпорального факторов. Впервые экспериментально была установлена временная зависимость сохранения в памяти бессмысленного вербального материала Г.Эббингаузом, доказавшим, что

постепенное уменьшение возможности припоминания и воспроизведения материала (то есть забывание) прямо пропорционально длительности временного отрезка. В этом и состоит, на наш взгляд, экстралингвальная причина забывания имен. Вторая – в зависимости забывания от объема запоминаемого материала. Итак, два фактора, обуславливающих забывание семантически полных имен собственных, – это время и количество. Однако есть и третья экстралингвальная причина забывания антропонимов, и она заключается в степени значимости для субъекта запоминаемого имени. Иными словами, чем меньше значимость, тем больше вероятность забывания. Итак, нельзя не отметить, что процесс забывания при наличии соответствующего стимула, связанного с необходимостью актуализации мотивационных и темпорально-количественных характеристик, может быть прерван и превращен в акт припоминания, что не менее существенно для выявления особенностей функционирования имени собственного как с психологической, так и с лингвистической точек зрения.

Прежде, чем рассмотреть процесс припоминания имени собственного с точки зрения психологии, необходимо дать лингвистическое обоснование вероятности данного явления. Как уже отмечалось выше, имена собственные не обладают понятийной соотнесенностью. Основное их свойство – «тесная связь с единичным конкретным объектом» [5:33]. То есть, по словам Е.Куриловича, «антропонимы считаются называющими знаками» [3:20], поскольку имеют предметную соотнесенность (имя – вещь). А поскольку имена все-таки знаки, то и на них распространяется закон произвольности, по которому «Произвольность имен собственных заключается в отсутствии связи между звучанием и денотатом» [1:11]. Следовательно, один и тот же человек потенциально может быть назван разными именами. Однако подобная идентификация лица успешной считаться не может. Завершенной идентификация является лишь в том случае, когда конкретный референт соотносится с конкретным именем, носителем которого он и является.

Употребление имени собственного вызывает в памяти слушающего все те знания, которыми он располагает о предмете, или, по крайней мере, те знания, которые у него стойко ассоциируются с предметом. Кстати, эти знания о референте определяют и речевые значения имени собственного [см. 1, 2]. Но в силу произвольности знака, а также специфического для имени собственного отсутствия понятийного

содержания в языке, акт идентификации не всегда происходит механически (как, например, у имен нарицательных). Запоминание денотата происходит благодаря иконической памяти, которая, как известно, наиболее активна в процессах межканальной синестезии восприятия и является максимально долговременной.

Вот почему лицо, сам человек – носитель имени вспоминается относительно быстро. С воспроизведением же звуковой стороны антропонимического знака говорящий (по уже объясненной причине) может испытывать затруднение. Однако говорящий, в силу причин этического характера, все же стремится осуществить успешную идентификацию, то есть назвать реальное имя денотата, припомнить его. Механизм же данного процесса связывается с известностью/неизвестностью денотатов имени. Если объект именован известен говорящему, то ключом для припоминания является выбор пробной (идентификационной, подсказывающей) информации, благодаря которой активизируются соответствующие поисковые наборы в хранилище долговременной памяти. Адресант перебирает ряд имен, как бы примеряя их к образу объекта, до тех пор, пока не достигнет акустико-иконического единства, то есть пока эхоическая и иконическая память не воспроизведут требуемый продукт.

В какой-то степени механизм припоминания имен совпадает с приемами восстановления в памяти фамилий иностранного происхождения. Подобие этих процессов объясняется, вероятно, затемненностью этимологии для восточных славян как фамилий, так и греческих, римских, древнееврейских иноязычных христианских имен. Здесь применяется тот же способ припоминания – выбор пробной информации. Причем у фамилий выбор пробной информации значительно облегчается благодаря действию закона, который называется «эффект края», т.е. явления, заключающегося в том, что из расположенных в ряд элементов, находящиеся в начале и конце запоминаются быстрее, чем элементы, находящиеся в середине.

По отношению к фамилиям – это, как правило, финали, свидетельствующие о национальной принадлежности именованного. Однако закон «эффекта края» отнюдь не гарантирует припоминание фамилии, поскольку может обеспечить восстановление лишь национальной формы антропонима. И в случае неадекватного выбора начальных и срединных элементов пробных единиц и последующего неудачного воспроизведения

(поскольку минимум информации порождает большие поисковые наборы) приходится констатировать эффект забывания.

Несколько проще протекает процесс реконструкции фамилий русского происхождения, если в их основе лежат имена нарицательные и семантика их прозрачна для говорящего. Этот процесс идет усиленное, так как сопровождается подключением системы ассоциативных связей, продуцирующих, как известно, максимальную актуализацию информационного объема. Однако и здесь процент успеха не всегда высок, так как, кроме названных, на него влияет еще целый ряд противодействующих факторов.

Удерживание в долговременной памяти имен неизвестных говорящему денотатов – еще более трудоемкий процесс и без специальных приемов и навыков неосуществимый. При кратковременном удерживании имен основным средством припоминания является внутренне называние и активное повторение, протекающее обычно в форме скрытого или фолируемого проговаривания. Этот вид повторения позволяет удерживать имя на уровне кратковременной памяти, хотя недостаточен для его перевода в память долговременную.

Итак, причины забывания имен собственных в своей основе носят интралингвальный характер – отсутствие языкового значения и символическая природа данных единиц. Экстарлингвальными факторами, способствующими забыванию, мы считаем темпоральный фактор, объем материала и значимость его для субъекта. К числу основных приемов припоминания антропонимических единиц, как свидетельствуют анализируемые факты, следует относить выбор пробной информации и ее аудирование с целью достижения акустико-иконического единства; использование «эффекта края»; семантико-ассоциативного припоминания.

(Б) Бессознательное – это совокупность психических процессов, в которых субъект не отдает себе отчета. Следствием влияния подсознательных психических процессов можно объяснить и механизм забывания (точнее: выпадения, временного забывания) имен, и описки, и некоторые другие патологические явления, связанные с именами собственными. Одной из предпосылок забывания вообще является нежелание вспомнить нечто, могущее вызвать тягостные ощущения (что, кстати, может редуцироваться при использовании соответствующих методик нейролингвистического программирования). Однако, как справедливо, на наш взгляд, отмечает З. Фрейд, «не все то забыто, что мы считаем забытым»

[8:306]. Иными словами, якобы забытый материал может сохраниться в подсознании. Будучи вытесненным из сознания, он все же не лишен окончательной способности проявлять себя, поскольку «подсознание является значительно более осведомленным, чем сознание».

В подсознании происходит процесс узнавания личности по, возможно, неосознанным паралингвистическим аналогам (жесты, мимика, определенная фонация речи), следствием чего явилось стремление восстановить имя. Забывание же имени в таком случае адекватно объясняется причинами, установленными З.Фрейдом: 1) имя само затрагивает что-либо неприятное; 2) неприятны ассоциации, вызванные этим именем.

Возможно, данное положение может показаться спорным, но думается, что подсознательное узнавание порождает подсознательное воспоминание, ассоциирующееся с осознанной негативной номинацией денотата, а в вербальном сообщении актуализируется процесс трансформации подсознательного знания в сознательное восстановление искомого имени. Опознание же его и признание его истинным квалифицируется уже как предмет сознания.

Таким образом, мыслимые как забытые, имена таковыми могут не являться, а присутствовать в подсознании. Воспоминание имен может идти не только явно, с привлечением усилий говорящего, но и неосознаваемо им, подсознательно. Имена собственные также могут, являясь симптомом подсознательных психических процессов, проявиться в описках.

Фактором, обуславливающим возникновение описки, мы склонны считать влияние мыслей, лежащих за пределами речевой интенции. Причем эти мысли в процессе письма значительно сильнее проявляют свои требования и нарушают внимание, чем, например, в речевом акте. И, следовательно, описки более вероятны, чем обмолвки. Интересное объяснение этому факту дает Вундт: «В процессе нормальной речи задерживающая функция воли постоянно направлена на то, чтобы привести в соответствие течение представлений и артикуляционные движения. Но когда сопутствующие представлениям выражающие их акты замедляются в силу механических причин, как это бывает при письме..., подобного рода антиципации наступают особенно легко».

Описки можно считать орудием выражения, но чаще всего выражения того, что не хотелось сказать, что тщательно скрывалось адресатом и вербализация чего обусловлена определенной активностью подсознательного уровня.

Итак, описки в именах собственных некорректно объяснять только невниманием и рассеянностью. Они – результат подавляемых мыслей и, может быть, даже свидетельство неосознаваемой неискренности, что, возможно, может быть интересной гранью в предлагаемом аспекте антропонимического анализа, ведь на всем пространстве психики нет ничего бессмысленного и случайного. Кроме того, имена собственные являются наиболее ярким формальным показателем и даже проявителем для окружающих наличия у индивида такого рода психической патологии, как раздвоение личности.

Личные имена оказываются задействованными в акте раздвоения личности в силу того, что имя неразрывно связано с психологическим обликом человека. На данное обстоятельство указывают хотя бы такие общеизвестные факты: японские художники-философы по традиции трижды в течение жизни меняют свое имя, дабы лучше познать себя и мир через новое «Я», так как новое имя – это новое «Я»; чтобы лучше вжиться в образ, актеры просят постоянно в бытовом общении называть их именем персонажа; становясь монахом, человек обязан сменить имя, что по традиции означает смерть гражданской личности и рождение новой, духовной.

Чтобы объективно оценить себя и свои поступки, человеческое существо должно взглянуть как бы со стороны, что позволяет сделать мысленное представление о втором «я», которое не может быть безымянным. Прибегнуть к новому имени и стать другим индивидом – прием, хорошо известный в мировой литературе. Вспомним, например, известный роман швейцарского писателя Макса Фриша «Назову себя Гантенбайн», уже в названии которого демонстрируются антропонимические изменения как наиболее яркий симптом раздвоения личности.

Представление о наличии второго «я» может быть и более кратковременным. Например, равняться одному речевому акту. Однако и здесь сложные психические процессы обнаруживают себя через именную вариативность.

Итак, рассмотренные аспекты неадекватного нормам антропонимического поведения личности (забывание, припоминание имени собственного, описки, замещение имени) не следует считать случайными и необъяснимыми. Причины их надо искать в психологической деятельности человека и изучать лингвистическими и психолингвистическими методами.

1. Болотов В.И. Актуализация антропонимов в речи: Автореф. дис.... канд. филол.наук.-Л.,1971.
2. Карпенко Ю.А. Современное развитие русской ономастической системы// Актуальные вопросы русской ономастики.-К.,1988.
3. Курилович Е. Очерки по лингвистике.-М.,1962.
4. О'Коннор Дж., Сеймор Дж. Введение в НЛП.-Челябинск,1997.
5. Суперанская А.В. Аpellатив-онома//Имя нарицательное и собственное.-М.,1979.
6. Сухарев В.А. Быть деловым человеком.-Симферополь,1996.
7. Тер-Авакян С.Г. Языковые и неязыковые компоненты в акте референции//Сб. науч. тр. Московск. госпединститута иностр. яз. им. М.Тореза.-М.,1980.-Вып.167.
8. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни//Психология бессознательного.-М.,1990.

Г.Т. Кузь

Фразеологія як об'єкт дослідження етнолінгвістики

Етнолінгвістика - це розділ мовознавства, що вивчає співвідношення мови і духовної культури, фольклору і менталітету народу. Ідея про зв'язок мови і етносу вперше з'явилася як наукова теорія в працях В.Гумбольда (1767 - 1835). Новий імпульс розвитку етнолінгвістичних ідей на початку ХХ ст. дала створена Ф. де Соссюром структурна теорія мовознавства, яка сформулювала принцип: «Звичаї нації накладають відбиток на її мову, а з іншого боку, значною мірою саме мова формує націю» [12:63]. Теоретичною основою структурної етнолінгвістики є уявлення про спільну семіотичну природу мови і культури. Дехто зі структуралістів розглядає культурні невербальні коди як «вторинні моделюючі системи» по відношенню до первинної моделюючої системи, якою є мова [18].

У 70-80-х роках ХХ ст. у мовознавстві з'являється ряд праць, у яких обґрунтовуються теоретичні та методологічні підходи до мови як об'єкта етнолінгвістики (праці О.С.Ахманової, І.Ю.Марковіної, Ю.А.Сорокіна, Є.М.Верещагіна, В.Г.Костомарова та інших). Їх завданням було виявити у мові той шар, який має на собі відбиток взаємодії з культурою, а також виявити методи, за допомогою яких його можна було б описати. Дослідники назвали "фонovими знаннями" той рівень свідомості, що є носієм специфіки національної культури. Для його дослідження було запропоновано метод встановлення лакун, згідно з яким останні з'являються при взаємодії двох мов там, де відмінність "фонovих знань" призводить до неадекватного сприйняття інформації комунікантами. Проте так і не